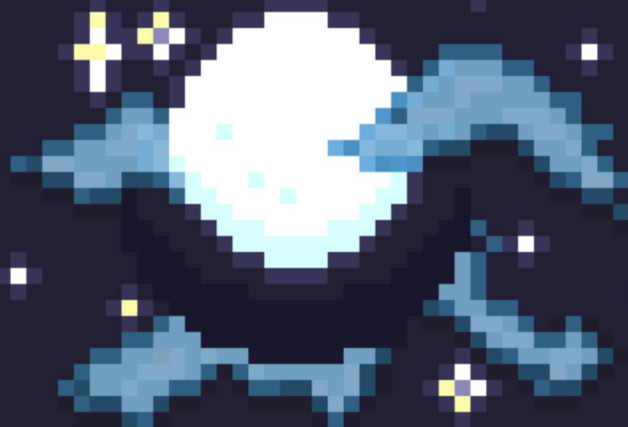

НОЧНЫЕ ДИАЛОГИ

Дима Юшков

Дима Юшков

Ночные диалоги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70550926

SelfPub; 2024

Аннотация

Тиканье часов. Духота и жара. Ободренные стены в советской квартире. Тик-так. Мысли гудят в голове, подобно старому холодильнику... Найдется ли человек, способный унять этот гул размышлений? Найдется ли кто-то, кто поможет покинуть эту ночную темницу, кто-то, кто мне поможет уснуть?

Дима Юшков

Ночные диалоги

Я проснулся в середине ночи от того, что за дверью кто-то ходил. Чувствительные к звукам уши сразу же ухватили шум проезжающей мимо машины, от света фар которой сквозь узорчатую тюль по всей комнате разошлись угольные фигуры самых разных угловатых форм. От такого, совсем не детского ночника, стало неуютно. Тени деревьев, кривые, словно скрюченные пальцы, нависали над моей головой... Простынь под моей спиной чуть ли не насквозь была мокрой: открытое нараспашку окно совсем не помогало справиться с этой духотой и жарой.

Где-то далеко за дверью гудел холодильник. Да, этот старичок время от времени гудит, видимо, начинает ворчать. Еще дальше, с кухни, доносилось вечное тиканье часов, которое, иронично, никогда не замечаешь днем, зато ночью это "тик-так" становится невыносимо громким. Я перевернулся на живот. Спину наконец обдуло спасительным холодом: усилившийся ветер лизнул ее, начиная с самой поясницы. Мурашки пробежали по уставшему телу. Весь спектр звуков слился в один сплошной белый шум, отчего мне даже на время показалось, что я снова смогу уснуть. Снова смогу

выйти из этой ночной темницы, в которой обычно остается лишь бездействовать. Порой час, порой больше... Да только в горле как назло пересохло. Я потянулся за стаканом и нащупал его на покосившейся темно-коричневой, словно подгоревшей тумбе. Я отпил и сморщился, «чай» был холодным, очень сладким и крепким. Когда-то это и правда напоминало чай.

Я нащупал в темноте тапки-развалины. Встал. Пол натужно закрипел. Приоткрыв дверь, я увидел, как с кухни льется тусклая струйка света. Я постоял в проеме, в нерешительности идти дальше, прищурился, но в коридоре ничего кроме советского гудящего холодильника не разглядел. Во рту все ещё стоял привкус приторно сладкого, донельзя крепкого чая. Надо чем-то запить. Открыв сильнее дверь, чтобы незаметно проскользнуть в увеличившуюся щель, я затаил дыхание. За приоткрытой в другую комнату дверью я заметил скомканное белье, словно кто-то, так же как и я, проснулся в середине ночи и не мог уснуть.

Когда я наконец прошел в кухню, на мгновение тусклый свет настольной лампы заставил меня зажмуриться – глазам нужно было привыкнуть даже к таким его крупницам. За столом, в углу этой маленькой, похожей на каморку кухни, как и вчерашней ночью, сидел дедушка. Он взглянул на меня поверх очков, без них похоже не узнал, от этого прищурился, поправил их пальцами и спросил:

– Чего не спишь?

Голос его был сильным и низким, а сам он был худым, со впалыми от старости щеками, и ростом он был обыкновенен, не низок и не высок, а вот глаза его, скорее всего, когда-то были ярко голубыми, прямо как у меня, но теперь же они потускнели, стали как эта старая настольная лампа, что из последних сил наполняет эту комнату светом.

– Жарко.

Я налил воды из безвкусно узорчатого графина и продолжил рассматривать дедушку. Он то и дело кряхтел, решая, по-видимому, sudoku – отсюда было сложно разглядеть. В горле у меня застыл вопрос, который почему-то сильно хотелось озвучить. Но решиться я никак не мог: уже как два дня живу с дедушкой, но и не припомню, чтобы мы о чем-то говорили, кроме как о делах бытовых. Да, из-за учебы пришлось переехать к дедушке в Питер, хотя и видел я этого своего родственника только в детстве, да и то на фотографиях. А знаю лишь, что живет он совсем один и уже давно как на пенсии. Тем не менее, глоток холодной воды и свежего, из приоткрытой форточки, воздуха, дал мне решимости задать свой вопрос:

– Дедушка, а что ты делаешь, когда не можешь уснуть?

Он снова взглянул на меня, но теперь уже как-то иначе, откашлялся, убрал журнальчик в сторону. Этот взгляд его показался мне несколько заинтересованным, хотя сперва я даже и не понял в чем дело. Уже позже оказалось, что дедушка давно скучал по беседам. Наконец, он ответил:

– Пытаюсь себя чем-то занять. Книгу почитать, – кивнул он на полку, явно не предназначенную для книг, но тем не менее усеянную множеством сочинений старых редакций. Эта кухонная библиотека показалась мне уж слишком странной: разве не привычнее читать в комнате? – Судoku порешать, вот... Я думать иногда люблю.

– И о чем думать?

– Да обо всем сначала думать, а потом цепляться за что-нибудь одно, даже за самое незначительное, самое на первый взгляд простое, затем думать об этом глубже, как бы смотреть с другой стороны. Вот, например, – бросил он взгляд на отложенный журналчик с судоку. – Число. Что такое число? Нетрудный же вопрос, да?

– Нетрудный.

– Ну так что?

Некоторое время я думал, пытался составить определение поточнее, да только слова все никак не обретали нужного смысла. Что же это такое, число? Затем я взглянул на настенные часы с поблекшей, треснувшей крышкой. Вместо привычных чисел на циферблате были римские. Ответ тут же вспыхнул в моей голове: числа можно изобразить как-угодно, главное какой смысл в них вложен!

– Числа – это такие символы, каждому из которых присвоен свой, как бы порядковый номер, который несет информацию о количестве.

Я посмотрел на дедушку, ожидая его ответа, да хотя бы

кивка, но он смотрел на меня так, словно хотел услышать еще.

– Например, мы можем представить, – я открыл ящик с столовыми приборами и достал оттуда три ложки: одну в левую руку и две в правую. – Что эти ложки – абсолютно одинаковые объекты. Ложке в левой руке я даю символ "один", ложкам в правой – "два". Получается, что символ "один" дает нам информацию о том, что количество объектов в моей левой руке не больше и не меньше того числа объектов, которое подразумевает символ "один". А вот "один" – это самое простое значение, один не является частью чего-то, один – это самостоятельная единица, один – это...

Я поймал себя на мысли, что чуть было не сказал, будто один – это один. Дедушка, видно, заметил мою запинку и сразу же все понял, по крайней мере его улыбка стала тому доказательством. Вот не пойму. Что же дед хочет услышать? Как мне объяснить ему все иначе? Он прервал мои размышления тихими словами:

– А я допущу, что чисел в реальном мире вовсе не существует.

На миг ошеломленный, я как бы вытянул голову в сторону дедушки, задавая следующий вопрос:

– Как это?

– Ну смотри, правильно ли, говоришь ты, что в левой руке у тебя одна ложка, а в правой две?

– Правильно.

– Правильно ли говоришь ты, что названное число подразумевают и соответствует количеству ложек в твоей руке?

Дождавшись моего кивка, он продолжил:

– Так вот, закрой-ка ты теперь глаза. Закрыв? Да, вот так вот. Представь теперь две ложки. Представил?

В голове проявился образ двух поблескивающих чайных ложек, тех самых, что я достал из ящика, тех самых, что холодом отдавали мне в ладонь.

– Да.

– А теперь представь два.

От недоумения я сморщил брови, в голове все ещё ясно представлялись две ложки. Два? Что значит представить два... Два ничего? Два, несвязанное с чем-либо из реального мира, просто два? В голове возникла цифра "2", такая белая цифра на черном фоне. Я сразу же попытался уклониться от этого символа, убежать от него, я пожелал вообще не знать такой цифры, а лишь понимать ее значение! Да, понимать!.. Но понимал я лишь то, что ничего не в силах представить, что я не способен визуализировать просто два. Не знание ли мое мешает мне вообразить саму концепцию? Я сдался:

– Не получается.

– Теперь понимаешь? Ты можешь представить два звука, два прикосновения, два вкуса, два образа, две ложки... Но просто два представить невозможно, да и в реальном мире – где это два? Нет его, – засмеялся дедушка. – А теперь попробуй представить числа иррациональные. Вдвойне невыпол-

нимая задача!.. А еще бесконечности, о, это вообще история отдельная. Способен ли ты все это представить? Уверен, что нет. Вот... Так что же такое число?

В этот раз я попытался отдалиться еще сильнее, стать еще беспристрастнее, мыслить еще шире:

– Числа – это нечто чего нет... Но чем мы пользуемся в своем, как бы это сказать, само ощущении... да. Числа – это концепция.

Дедушка наконец, как-то даже удовлетворенно, кивнул. Тем не менее один вопрос все еще не давал мне покоя:

– Получается что и слов тоже не существует?

– Как знать. Вот ты, – дедушка взглянул мне прямо в глаза, а лицо его аж немного сморщилось от той серьезности с которой он спрашивал. – Ты существуешь?

Почему-то дрожь прошла по моему телу... Этот избитый, старый как мир вопрос, прозвучавший из уст восьмидесяти трех летнего дедушки, звучал особо пугающе. И особо завораживающе. Почему же?.. Сглотнув, я сказал:

– Я мыслю – это самое главное доказательство моего существования.

Дедушка ожидаемо улыбнулся. Вспоминая этот момент теперь, понимаю, что его так развеселило: семнадцатилетний пацан неосознанно цитирует Декарта. Дедушка спросил:

– Так человек должен мыслить, чтобы существовать? А стол, должен он мыслить, чтобы существовать?

– Нет... Я мыслю о столе, и поэтому он существует, – пы-

таясь подкрепить свое доказательство, вставил я.

– Так стол существует, только тогда, когда о нем кто-то думает?

– Скорее, когда наблюдает.

– Тогда у меня, если позволишь, есть к тебе три вопроса. Первый вопрос. Как я понимаю, именно наблюдение стола, по-твоему, делает его существующим. Не выходит ли из этого предположения, того, что если наблюдение, скажем, искажено, то и стол существовать будет искаженным? – дедушка не стал ждать моего ответа, продолжил. – Второй вопрос. Если же никто не наблюдает стола, то почему же тогда этот стол непременно будет стоять на том же самом месте, на котором его наблюдали и в прошлый раз? Ну и третий, последний вопрос, возможно, он и поможет нам разобраться: что существовало раньше, наблюдатель или бытие? Что из чего происходит, как считаешь?

– Я бы, дедушка, отвечал на вопросы по порядку.

– И имеешь на это полное право.

– Насчет первого вопроса. Думаю этому есть два объяснения: либо что все относительно, что для одних стол существует искаженным, если наблюдают они его таким, а для других не искаженным, если таковым не наблюдают... либо же, что существует какая-то система, которая постоянно наблюдает за всем без искажений. Это бы ответило и на второй вопрос.

– То есть бог?

– Необязательно... А вот третий вопрос, признаюсь, сбивает меня с толку. Для меня вероятней, что бытие произошло раньше наблюдателя, но тогда это предположение расходится со всем мной ранее сказанным...

– Расходится, да. Но только лишь если бытие само по себе не является наблюдателем. А возможно и логику здесь использовать бессмысленно, потому как живём мы в мире, в котором, по одному богу известной причине, существует нечто, а не ничто. Поэтому, возможно и что сам вопрос: «существую ли я?» – бессмысленен. Человеческий разум не был создан в те давние времена, когда никакого бытия еще не существовало, может быть поэтому он и не приспособлен ответить на то, почему же есть нечто, а не ничто? Ведь сколько бы мы не ломали головы, сколько бы не спрашивали себя, никогда мы не найдем логичной причины тому, что это нечто существует! Но подумай вот о чем: если пойти в обратном направлении... допустим, что ничего не существует. Не выходит ли из этого, что и причины не существовать чему-то, тоже нет?

А ведь правда. Для меня существование бытия раньше было обыденностью... Я и не задавался вопросом, что эта обыденность уж слишком расходится с здравым смыслом. Тем не менее, то, что существует нечто – разве это не неоспоримо? Разве это не то единственное, что взаправду существует? Разве это не то, с чем я взаимодействую каждое мгновение своего бытия? Да, скорее всего, оспоримо, как и

существование чисел... А ведь это все такие очевидные мысли, почему же я раньше об этом не думал, почему считал бытие – данностью? Еще несколько минут я об этом думал... Дедушка, казалось, все понимал – дал мне времени на мои размышления. Долго он ждал моего взгляда, дождавшись, заговорил:

– Садись-ка ты за стол. Да, вот так вот. Я тебе вот что скажу: есть множество вопросов, на которые мы, возможно, никогда и не сможем ответить, сколько бы мы не пытались свой ум, поверь мне. Но разве эта беседа, это исследование двух, да даже не философов, просто людей, разве не было это увлекательно? Разве теперь твой ум не спокоен, разве теперь бытие не перестало давить на тебя и мешать тебе сомкнуть глаз? Уверен, что теперь тебе стало лучше. Полезно порой каждому из нас так беседовать: с другом или с самим собой, вот... а мы же попьем чаю, поговорим еще, и сон так намного легче придет.

Я сел, вслушался в, поставленный дедушкой, закипавший чайник, в бивший в окно ветер, в гудевший холодильник, в тиканье часов, в шум проезжавших машин. Тик-так... И так спокойно на душе стало: все раздражение, вся жара и духота, все лишние мысли – все ушло. Ушло куда-то на задний план, ушло и осталось там, в глубине... возможно понадобится еще. Да какая, впрочем, разница? Я вдохнул аромат еще не окрепшего чая, зевнул.

– Да, дедушка, поговорим.

Мы ещё долго так разговаривали, пока, наконец, не наступил рассвет.